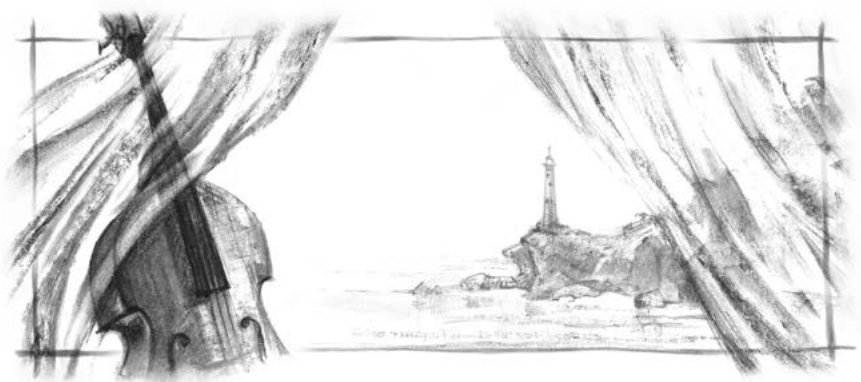

Глава I

ОСТАШКИНЫ

1

Меня зовут Сережа. Только меня редко кто так называет. Чаще зовут Листиком. Это из-за фамилии. У меня фамилия как у знаменитого композитора — Лист. Только мы не родственники, просто однофамильцы. Мама этого Листа очень любит, а я в музыке ничего не понимаю. Ни слуха у меня нет, ни голоса. Папа говорит: «Ирония судьбы». Наверное...

Но однажды я прославился. Я пробрался в кабинет Степанова, хотя он страшно засекреченный, и увидел там контрабас. Конечно, я не удержался и попробовал. Ну неужели у меня с тем Листом, кроме фамилии, ничего общего нет? Я так увлекся, что даже не заметил, как передо мной возник сам Степанов. Он захлопал в ладоши и сказал насмешливо:

— Браво! Для Листа, пожалуй, слабовато, но для Листика — вполне.

Он взял меня под мышки и опустил через окно в сад. Там на скамейке сидели Вероника и Леша Смелый. Они засмеялись. Подумаешь! Весь остров зовет меня Листиком, потому что я младший Лист. А что Степанов меня засек... попробуйте сами в его кабинет пробраться!

Так-то во мне ничего необычного нет. Мне одиннадцать лет, я люблю мороженое и орехи, собак люблю, особенно своего Гаврюшу, книжки про рыцарей и пиратов. Люблю плавать, лазить по деревьям и ходить босиком. Любимая моя одежда — это тельняшка и шорты, которые нигде не жмут. В общем, я самый обыкновенный. Необычно во мне только то, что живу я на Лысом острове. Но это не во мне, а вокруг.

Лысый остров назван так, наверное, в насмешку, потому что такой буйной растительности, как у нас, нет нигде в мире. Я смотрел передачу про джунгли Амазонки. Куда им до нашего леса! Конечно, так у нас не везде. В Поселке вполне прилично, как на любом морском побережье. Пальмы, дубы, кипарисы. На востоке от Поселка — густой орешник, спокойная речка Янка, луга с высоченной травой.

Зато в глубине острова непролазная чаща, бурелом такой, что без топора не пройти. Там растут ядовитый цветок ясенец и держи-дерево. И дикие звери, конечно, там тоже есть. Волки, пятнистые олени, косули, рыси... Все это мы знали по рассказам Степанова, он один был в этих джунглях. Заблудиться там проще простого. Да еще ядовитые змеи, их там целые тысячи! Поэтому особым указом Степанова в лес ходить строго-настрого запрещено.

Наш остров, он даже не большой, а просто огромный. Чтобы обойти его по берегу, нужен не один день и не два, а целая неделя. Или две. А может быть, даже месяц. Никто

никогда этого не делал, если честно. Поэтому никто не знает, что там, на той стороне острова.

А на этой стороне расположен Научный центр, изучающий дельфинов. В Центре полным-полно кабинетов, лабораторий, бассейнов, аквариумов. Заблудиться можно. Самый главный здесь и на всем острове Андрон Михайлович Степанов. Он хороший, только скрытный. Живет один, почти ни с кем не общается, даже дорогу к своему кабинету засекретил. Все знают, где его кабинет находится, точные координаты указаны в Общей Таблице; если идешь туда со Степановым, все просто, согласно указанному адресу. Но если один сунешься... ни за что не найдешь! Коридоры, лестницы и двери будто нарочно путаются и меняются местами. Можно заблудиться так, что целый день тебя никто не найдет, кричи не кричи. И кажется, будто ты на другой планете. А главное, непонятно, как это получается. Вероника как-то возмутилась:

— Андрон Михайлович! Это невыносимо! А вдруг что-то срочное?

— Для этого телефон есть. Ксения Фаддеевна всегда на месте.

Вероника подумала и сказала:

— Рядом с вами кабинет по ультразвуковым исследованиям, до него тоже не доберешься!

— Не лгите, Вероника. Если бы вы шли в кабинет № 34, у вас бы не возникло никаких трудностей.

Это правда. Если идешь по делу и о кабинете Степанова не думаешь, то вот он, не прячется. Спокойно... проходите мимо, а Андрону Михайловичу, будьте добры, не мешайте работать. Может, кому-то это покажется странным, но мы уже привыкли.

И вот на этом самом Лысом острове я — единственный ребенок! Я и родился здесь. И учусь самостоятельно. Раз в месяц мы с мамой ездим на Большую землю в школу, к которой я «прикреплен», и я сдаю зачеты по всем предметам. А если я чего-то не знаю, то учителя мне сами объясняют и рассказывают. А потом дают новые задания. Так учиться совсем не трудно, мне все на острове помогают. Маленькому хорошо среди взрослых. И все-таки... все-таки ничего мне так сильно не хотелось, как иметь друга! Хоть бы один мой ровесник был на острове! Но самый молодой сотрудник Центра Леша Смелый старше меня на двенадцать лет.

И вот в это лето все изменилось: у нас на Лысом появилось еще двое ребят.

В то утро я, взяв папин бинокль, отправился на Хребет Дракона (так у нас называется груда камней над морем в одной бухте). Я на море могу бесконечно смотреть. Папа иногда даже сердится. Говорит:

— Неужели ты за всю жизнь к нему не привык?

А я не могу привыкнуть. Потому что море всегда разное. Мне кажется, что с ним можно дружить, почти как с человеком. Слушать, как оно разговаривает волнами. Доверять ему свои секреты. Оно ведь никому не расскажет. Смотреть, как оно меняет цвет, будто одежду. Иногда оно делает мне подарки: красивые камешки, ракушки, куски черепицы с не нашими буквами...

Сегодня я смотрел, не приплывут ли дельфины. Но их все не было и не было. Зато занырял среди волн белый катерок метеослужбы с Большой земли. Он причалил к берегу и стал выгружать пассажиров. Это были ребята. Мои ровесники! Девочка и мальчик! Судя по багажу, они приехали надолго.

Сейчас я вам подробно опишу Роську. Сделаю я это потому, что она мой самый первый в жизни друг. Понимаете? Самый-самый первый! Если бы вы одиннадцать лет прожили на острове, заселенном только взрослыми, вы бы меня поняли.

Роська — это сокращенно от Ярославы, полное имя у нее такое. Лицо у Роськи круглое, как луна, а глаза на пол-лица и как море. Это не поэтический образ, как в книжках, просто ее глаза так же, как море, умеют менять цвет. Вроде бы темно-серые, обычные глаза, но поднесет Роська к лицу сиреневые колокольчики, и глаза тут же станут сиреневыми; заберется в гущу зеленых кипарисов, и глаза позеленеют. Вот какие у Роськи глаза! А ресницы тоненькие, и не черные, а коричневые, с золотистыми кончиками, будто по ним мазнули золотой краской и они засветились. Волосы цвета степной травы она заплетает в две косички. Вот и вся Роська. Я, конечно, не сразу все это рассмотрел, и Роська была просто девчонка. Но она была на Лысом! Я смотрел в бинокль, как они разгружаются, а сердце у меня так и бухало. Я не выдержал и побежал к пристани. За рулем катера был мой знакомый метеоролог, он сказал:

— А, Листик! Принимай гостей.

Значит, всего лишь гостей... Ну и пусть! Лето-то только начинается, а они наверняка на все лето, вон сколько вещей. Катерок отчалил. Девочка смотрела на груды чемоданов, коробок и сумок.

— Как же все это нести, Максим?

— Как раньше несли, так и сейчас понесем, — откликнулся мальчик.

— Раньше с нами была тетя Марина.

Если бы вы одиннадцать лет прожили среди взрослых, а сверстников видели только раз в месяц, то и вы бы, наверное, не умели знакомиться. К любому взрослому мне ничего не стоило подойти, но как знакомятся ребята, я понятия не имел. Вернее, имел, по книжкам и фильмам, но у меня бы духу не хватило подойти и сказать: «Привет, меня зовут Сережа Лист, давайте дружить». А эти двое меня будто не замечали (может, они тоже с какого-нибудь острова?). Но в конце концов я решил, что они здорово во мне нуждаются, и ведь я здесь вроде хозяина... И подошел.

— Помочь?

Девочка просияла. Мальчишка остался хмурым.

— Ты местный? Ты здесь живешь, да? Такое живописное место! Мы тоже будем теперь здесь жить. — Она покосилась на мальчика. — Скорее всего. Посмотри, сколько у нас вещей! И все это мы везем через всю страну! И самое главное, тетя Марина сломала по пути ногу, можешь представить? Просто стихийное бедствие какое-то! И ее положили в больницу! Она, конечно, сначала погрузила нас в этот катер, но если здесь нас никто не ждет, я даже не представляю, что нам делать!

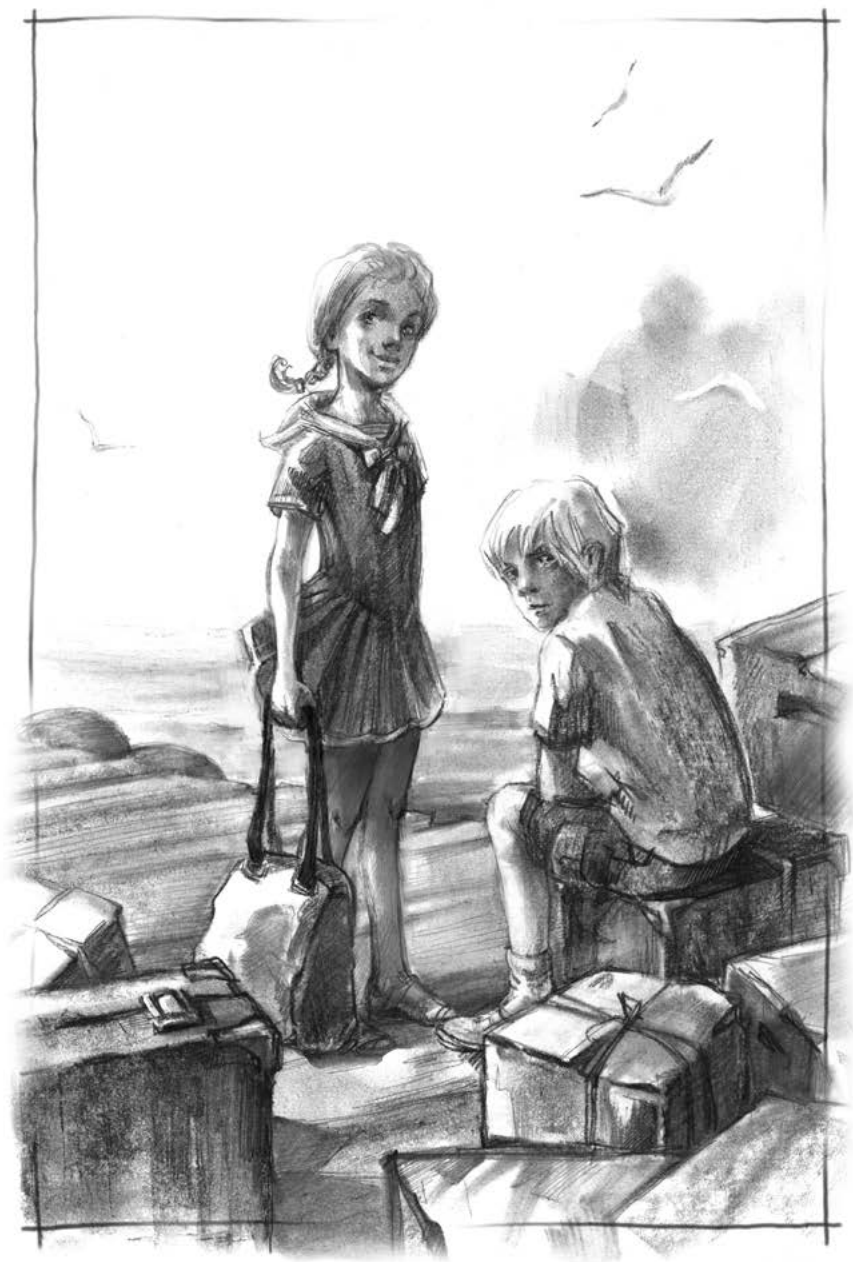
— А вы к кому приехали?

Девочка приняла очень важный вид, а мальчишка помрачнел еще больше.

— К Веронике Алексеевне Невозможной. Улица Летняя Дуга, дом № 2.

— Пойдемте, — вздохнул я. — Да оставьте вещи, никто не тронет, потом тележку у Леши попросим, отвезем.

— Правда? Совсем никто не тронет? Ну... пойдём, если ты уверен.

Девочка приняла очень важный вид, а мальчишка помрачнел...

Я посмотрел на мальчика. Он, наверное, мой ровесник или чуть постарше. Толстоватый, круглолицый, с большими, как у девочки, глазами. Хмурый он какой-то, будто всем недоволен. Мог бы и поразговорчивее быть! Или он думает, что здесь полным-полно детей? Конечно, я надеялся на него. Что мы подружimsя. Будем вместе купаться, «Тома Сойера» читать, можно плот построить и шалаш в лесу. Не с девочкой же мне дружить!

Хотя она хотела подружиться, это я понял, потому что болтала она без умолку.

— Максим закончил пятый класс, а я — четвертый. Здесь, конечно, есть школа?

— Конечно, нет, — усмехнулся я и рассказал, как учусь. Девочка слушала, приоткрыв пухлогубый рот.

— Ничего себе... Наша фамилия — Осташкины.

Брат с сестрой. Так я и подумал. Мы поднялись по Первому Маячному спуску. Девочка всему удивлялась, мальчишка был как каменный.

— Меня зовут Ярослав. А сокращенно Роська. Это Максим. А Вероника Невозможная — мамина двоюродная племянница. Она, наверное, очень занятой человек, да?

— О, да!

— Наверное, это покажется тебе странным, но мы никогда ее не видели.

Так она разговаривала всю дорогу, стараясь быть очень вежливой и то и дело обращаясь к брату, но он либо отвечал односложно, либо вообще отводил глаза в сторону и молчал. Но Роську это не смущало. Она рассказывала, как их тетя Марина сломала ногу, когда выходила из поезда, как они искали больницу, а потом катер, как уговаривали дядю

Сашу-метеоролога отвезти их на Лысый, как ехали по морю, видели яхту и стаю дельфинов. Я слушал ее так, вполуха, но смотреть на Роську мне нравилось. На ней было платье с матросским воротником, и вся она была такая тоненькая, веселая.

Уже у самого Вероникиного дома я спросил:

— Вы на все лето приехали? И как вас родители одних отпустили! Мои бы ни за что...

— Видишь ли, — спокойно ответила Роська, — наши родители погибли. Мы остались совершенно одни, а Вероника — наша единственная родственница.

3

Вот так штука! Получается, что у Осташкиных такая беда случилась, а мне от этого будто бы хорошо — моя заветная мечта сбылась, на Лысый приехали ребята! Но если бы не их горе, где бы они сейчас жили с родителями, с кем бы дружили?

Но обо всем об этом я подумал уже потом, а в тот момент, когда Роська про это сказала, я просто замолчал и даже не знал, что ответить. Максим дернул меня за рукав и спросил медленно:

— Скажи, а наша сестра, Вероника... ты ее знаешь?

— Конечно! Здесь все друг друга знают, а Веронику не знать просто невозможно.

— А какая она? Расскажи, пожалуйста.

Я задумался. Что я мог сказать про Веронику? Во-первых, Невозможная — это ее фамилия. Все считают, что фамилия говорящая. Моя мама ею восхищается. Она говорит:

— Вероника просто необыкновенная! Такая красота, такой ум, такой темперамент — и все в одном человеке! В нее невозможно не влюбиться.

— С ней невозможно работать! — восклицает на это папа. — Она упрямая, дерзкая...

— Красивая, — вставляет мама.

— И что с того? Это не значит, что можно позволять себе все что угодно!

Папа работает с Вероникой в одной лаборатории, и их мнения часто расходятся. К тому же Вероника постоянно нарушает дисциплину. Она вообще всегда делает что хочет, ни с кем не считаясь.

Позапрошлой весной, например, у нас заболела дельфиниха Стеша, самая замечательная из всех дельфинов. Лечили ее долго, аккуратно, сам Степанов ею занимался. А Вероника настаивала, что Стешу надо отпустить в море. Мол, Стешина болезнь — это и не болезнь вовсе, а тоска по воле. Мол, стоит только выпустить ее, она сама собой выздоровеет. Никто с Вероникой, конечно, не соглашался (кроме Мераба Романовича), говорили, что это дилетантство, а это слово у нас — самое страшное ругательство. Сколько сил и денег на Стешу было потрачено — не пересказать. Но ей становилось все хуже. И вот однажды ночью Стеша исчезла. Утром Вероника призналась, что это она выпустила ее на волю. Без Леши Смелого и Мераба Романовича тут, конечно, не обошлось. Скандал был грандиозный! Веронику даже хотели уволить, но через два дня наши наблюдатели засекли Стешу в море. Совершенно здоровую. Вероника ходила победительницей. Степанов ограничился строгим выговором, сокращением полномочий и долгим разговором в своем секретном

кабинете. Но все это мало подействовало на Веронику, наоборот: зазнаваться она стала еще больше.

Да, характер у нее сложный, но мама права: Вероника очень красивая. Может, поэтому ей многое прощается. Я давно заметил, что красивым людям часто сходит с рук то, за что обыкновенным здорово бы влетело. Вероника высокая и почти на всех смотрит свысока. Ходит она так быстро, что ее длинная черная коса летает из стороны в сторону. Она похожа на добрую королеву из сказок. И когда на нее смотришь, как-то тепло внутри делается, будто она погладила тебя своими большими горячими руками, и сразу понимаешь, почему в нее так влюблен Леша Смелый и почему он при ней становится тихим и неразговорчивым. Только вздыхает.

Но что ответить Максиму, я не знал. С уверенностью можно было сказать только, что они будут предоставлены сами себе, потому что единственное, что интересует Веронику по-настоящему, — это ее работа.

— Ну... сами увидите, — промямлил я и нажал кнопку звонка.

4

Я так и не узнал, как встретила ребят Вероника Невозможная. Услышав ее шаги за дверью, я сказал небрежно:

— Ладно, увидимся!

И поспешил уйти. Если честно, мне не хотелось встречаться сейчас с Вероникой. Она обязательно скажет что-нибудь неприятное. Например, поднимет одну свою красивую бровь и усмехнется: